

Голая медленная мысль

Григорий Соколов в Филармонии

преклоняется ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ

СНОВА АПРЕЛЬ, снова на Соколова не достать билетов, по-прежнему он не имеет себе равных. Одну и ту же программу (Вторая и Тринадцатая сонаты Бетховена, Соната ре мажор Шуберта) пианист играет дважды, сначала в Большом зале, потом в Малом. И дает необычную возможность услышать, как он меняет игровую музыку, соотносясь с концертным пространством и инструментом. Соколов из тех редких музыкантов, которые не прогибаются под обстоятельства ангажементов, а специально заточивают под них свою интерпретацию. Хорошо знакомые сонаты Бетховена и Шуберта Соколов, как всегда, сыграет про собственную фантазию, преодолевая любые границы, про новацию, топчущую и одновременно чтущую канон, про учеников, опередивших учителей. Оба композитора регулярно появляются в его репертуаре. Бетховена в последние годы он исполняет весьма часто, Шуберта играл еще на заре 1990-х, еще когда записывал компакт-диски; записал он и несколько шубертовских сонат, получилось не слишком репрезентативно. В Петербурге Соколов играл сонаты Шуберта совсем недавно, в 2005 и 2007-м.

Соната № 2 ля мажор Бетховена была издана в 1796 году вместе с двумя другими как опус 2, посвященный Йозефу Гайдну. Тот надеялся, что в издании будет упомянуто, что автор учился у него, Гайдна. Однако Бетховен высказался в том духе, что хоть и занимался с мэтром, но ничему у него не научился. Нормальное высказывание ученика об учителе: конечно, Бетховен перенял у Гайдна и хорошие композиторские манеры, и то, как и когда их следует презирать. Форма пестрит отступлениями и нарушениями, фактура изобилует новыми идеями, зачастую умозрительными, но от того еще более плодотворными, менуэт заменен на отрывное скерцо, от галантной гайдновской мелодики Бетховен уходит далеко в сторону инструментальности, молоточковости — словом, более клавишной, более пианистичной музыки в то время не было. Через пять лет после выхода в свет трех «гайдновских» сонат Бетховен публикует две сонаты опус 27 с общим подзаголовком «Sonata quasi una fantasia». Вторая из них по недоразумению получила название «Лунной», а Соколов играет первую. Внутреннее строение и соотношение четырех ее частей, по-

жалуй, больше напоминает именно Гайдна с его фантазийной свободой и вместе с тем прямо превосходит поздние сонаты самого Бетховена; можно предположить, что Соколова привлекла именно эта двуликость — чинная отсылка к учителю, притворно непризнанному пять лет назад, и одновременная игра на далекое историческое опережение.

Все второе отделение занимает ре-мажорная соната Шуберта, написанная в 1825 году. Это его типичный зрелый стиль: размытые до многоэтажности классические структуры лишь прикры-

вают совершенно новое времяощущение. Собственно, это не соната, а симфония для фортепиано, которая по сравнению даже с ранними сонатами Бетховена — а тем более с поздними, чьей современницей она была, — кажется вызывающе нефортепианной. Такое труднейшее сочетание, кажется, только раззадоривает Соколова. А может быть, оно ему просто очень близко. Голые мысли, которые думаются неторопливо и с гигантским напряжением, — это ведь Соколов и есть.

Большой зал Филармонии, 12 апреля, 19.00
Малый зал Филармонии, 14 апреля, 19.00

Филоногенез

Живопись и графика Павла Зальцмана в Музее Достоевского

рассказывает Станислав Савицкий

«Опыты 1», 1981

ДО 1980-Х ГОДОВ Павел Зальцман был известен как один из ведущих художников-постановщиков «Казахфильма». Эта киностудия создавалась при его участии после Второй мировой на основе ЦОКС (Центральной объединенной киностудии страны) в Алма-Ате, куда он был эвакуирован в 1943-м из блокадного Ленинграда. Едва ли кто-нибудь сегодня вспомнит названия фильмов, в которых он работал в 1950-е и позднее. В массе своей это было шаблонное советское кино, и работа художника — едва ли не единственное, чем они могут быть интересны. Зато в перестроечное время о Зальцмане заговорили как об одном из учеников Павла Филонова. Тогда в русскую культуру возвращались забытые в СССР художники Серебряного века и авангарда.

«Группа с автопортретом», 1937

В конце 1920-х, через несколько лет после переезда из Кишинева в Ленинград, юный художник стал посещать Мастерские аналитического искусства. Ему не было и двадцати, когда он вошел в круг филоновцев. Авангардистская школа едва ли помогла ему сделать карьеру, и уже тогда его жизнь разделилась на две половины. Для себя он рисовал в манере учителя, а параллельно работал художником на «Ленфильме» у братьев Васильевых и Ильи Трауберга. Такой раздвоенной жизнью прихо-

дилось жить большинству советских художников. Помимо кино, заработок давало ремесло книжного иллюстратора. В нем Зальцман тоже пробовал силы, оформляя журналы о новом счастье, обретаемом в труде. Главной же его удачей стали иллюстрации к «Калевале», подготовленные для лучшего раннесоветского издательства «Академия». Эта книга и по сей день ценится знатоками.

О другой жизни Зальцмана долгое время помнили только искусствоведы. До начала войны он был заметной фигурой

в ленинградской художественной среде. Учился в Зубовском институте, одном из главных центров научного и художественного авангарда, связанном с именами Иеремии Иоффе, Юрия Тынянова, Бориса Эйхенбаума, Лидии Гинзбург, Вениамина Каверина. Позднее через Филонова Зальцман познакомился с обэриутами и стал посещать их литературные вечера. Это было не праздное любопытство, он писал стихи и прозу. Зальцман — автор странных абсурдистских текстов, немного на-

поминающих произведения Даниила Хармса. Впрочем, и участь аналитическому искусству у Филонова, и проникаясь священным безумием чинарей, Зальцман оставался необычной фигурой в ленинградском предвоенном искусстве. Фантазмагоричность и нервное напряжение его работ мало похожи на то, чему могли научить его учителя.

После того как Малевич, Татлин и Филонов стали классиками искусства XX века, слава приходит и к их последователям, ранее остававшимся в тени мэтров. За последние несколько лет произведения Зальцмана были показаны на двух выставках, но оба раза в Москве — в Третьяковке и Литературном музее. Наконец очередь дошла и до Петербурга, к нам привезут в основном работы ленинградского периода, которые будут дополнены графикой, выполненной уже в Алма-Ате. Жаль, что не сохранилось рисунков блокадных лет, когда Зальцман работал художником по маскировке. Именно он спас от бомбежек знаменитые газгольдеры на Обводном. Немецкие летчики принимали его декорации из камуфляжной сетки за сквер с клумбами.

Музей Ф.М. Достоевского, с 13 апреля